

При щедрой уловами весне в каждом казачьем курене кипела уха в чугунах, шкварчала жарёха на больших чугунных сковородах в долго не остывавших печах. В дело шли пуды соли, закупленной заранее у хуторского лавочника Карпыша. Рыба солилась и вялилась впрок. Заготавливались балыки из сомятины, а кому повезло, то даже из осетров. В такое время старики любили поведать окружающим, насколько было рыбы больше в прежние времена. И вспоминали про случаи, когда при перевозке пойманной в Донце рыбы у телег ломались оси, а на залитые водой левады заплывали громадные сазаны. Восклицали при этом:

- Разве это были сазаны? Это настоящие кабанчики были! Разве что не хрюкали! А что сейчас?

Им никто не отвечал. Знали только, что поглощали всё то, что в этот раз им Бог послал. Какой смысл вспоминать о том, что уже никогда не вернётся? Надо сегодняшним днём пользоваться! И пользовались, каждый, как мог.

К лету рыбалка сходилась на нет, место ей уступали заботы об основном в жизни — об урожае на своём казачьем пае.

Когда же наступала страда, шли сенокос или уборка хлебов, нахождение у воды считалось даже неприличным. Не зря же была в ходу поговорка: «День уборки прогуляешь — много хлеба потеряешь!». Была ещё и другая, не менее известная: «Июнь — на рыбу плюнь!». Плевать, может, и плевали, но только не в сторону Донца. Упаси Бог так святотатствовать. Недопустимо это было среди казачьего роду-племени.

Осенью, когда рыба начинала скапываться с верховьев Северского Донца, хуторяне снова сбивались в ватаги и добывали рыбу. Её уже было несравненно меньше, но желающие заниматься рыболовством в хуторе Швечикове никогда не переводились.

Предводителем во всех рыбацких делах и главным советчиком по ним в хуторе был казак Александр Александрович Волохов. Так его никто и никогда не величал, а в основном — по-своему, по-хуторскому — Сом Сомычем. Такое прозвище к нему пристало ещё в далёком детстве, когда он совсем в юном возрасте поймал громадного сома, голова которого была больше, чем у самого рыбака.

С годами Сан Саныч и внешне стал похожим на всем известного обитателя речных глубин. Невысокого роста, с широкими плечами и редко встречающейся в казачьих селениях полнотой, с подбородком, скошенным к кадыку, и редким чубчиком на голове. У иных казаков чуб так чуб, а у него только редкие волосики. Да ещё и тонкие белые усы по краям большого и тонкогубого рта. Ну вылитый сом, только на суше!

В одном кармане старого чекменя у Сан Саныча всегда торчал уток с нитками, предназначенными для ремонта сетей. С другого кармашка чекменя выглядывали, словно газыри, поплавки из гусиных перьев. Пальцы и ладони всегда были с многочисленными шрамами, следами от рваных ран, оставленных большими и малыми крючками.

Примерным усердием в обработке своего казачьего пая и огорода он никогда не отличался, за что не раз получал внушения и предупреждения от хуторского атамана. Зато был непревзойдённым мастером по части рыбалки на Северском Донце и окружающих озёрах. Знал все прибрежные заводи, косы и мели до последнего верхка. Смотрел своими маленькими глазками на воду, будто насквозь её пронизывал и заглядывал под все затопленные коряжины и в каждую ямку. Мгновенно мог определить, какая надвигается погода и что от неё ждать рыболову. Редко когда без улова оставался, а когда такое происходило, то разводил руки по сторонам и сокрушался:

- Нынче на Донце неурожай. Хорошо, что хоть на день или на неделю, а не на год.

В хуторе не было ему равных в изготовлении и постановке рыболовных снастей. Были у него и сети много-

Река Северский Донец в юрте станции Гундоровской.

саженные, и венгеря двукрылые, и чудо-бредень с привязанной хитрым способом цепью. Словно бритвой проходила такая снасть по прибрежной косе, и на берег выволакивалась из огромного кошелья трепещущаяся рыба и вороха громадных раков.

А ещё он умело плёл из ивовых прутьев верши разных видов и размеров. Весной во время разлива реки устанавливал коты — сплетенные из камыша и высоких тонких хворостин с чаканными перевязками лабиринты. В них и заплывали сазаны, оставшиеся после разлива в тубах, высыхающих, недолговечных озёрах на месте бывших речных стариц.

В байдачном хуторском кутке у Волоховых была примкнута к старой дуплистой иве всегда готовая к отплытию лодка со снастями. Если слышался плеск вёсел на реке, значит, это Сом Сомыч отправился за своей добычей. Он даже умудрялся в дни больших праздников на рыбалке пропадать и только отговаривался:

- Рыболовство — это не работа, а душевное удовольствие, греха в том нет, что и в такие дни на реке буду.

Знатный рыбак был мастером летней ловли сомов на квоч. Это когда бычий рог, приделанный к изогнутой приспособе из орехового дерева при лёгком ударе по воде издавал характерный звук. Знающие люди пытались убедить, что эти звуки приманивают сомиху, другие же говорили, что, наоборот, она сама подобным звуком даёт знак о готовности к общению с самцом. Как бы там ни было, но плеск бьющих по воде сомовьих хвостов говорил о том, что квоч действовал и добычливый мастер с пустыми руками почти

никогда не возвращался.

Весть о большом улове мигом прокатывалась по хуторским улочкам. Хвастаться уловом было не принято, а вот делиться с соседями — это по жалуйста. Глядишь, и сосед тебе что-либо из уважения поднесет. Кусок мяса от забоины перед Рождеством Христовым или какие-нибудь особо вкусные плоды из сада или огорода по осени. Но так с хорошими соседями. Но были же и плохие. А где их нет?

В казачьем курене Волоховых слева от красного угла к стене была прикреплена крепко просоленная и до каменного состояния высушенная голова гигантского сома. В святом углу горела, правда, не всегда, лампадка, а вот в голову сома на небольшой жестянке хозяин куреня приладил свечку. Соседи, которые видели такое, сразу плевались и готовы были даже обвинить главу семейства в греховном деле — колдовстве. Поводали

столько добычи, сколько нам потребно, и щедро поделиться со своими сородичами и соседями, а также святою церковью на благо и процветание всех. Так помоги нам своей милостью Божией, и мы перед тобою в долгу не останемся! Аминь!».

Евлампий прочитал написанное два раза, обратил внимание на то, что внизу листа была приклеена огромная сазанья чешуя. Будто печатью заверено было такое послание к Богу.

Священник замечаний больше делать не стал, только спросил:

- И как часто вы с такой молитвой к Всевышнему обращаетесь?

- Почитай, батюшка, каждый день. Как на рыбалку идём. Это же наш важный в жизни промысел, хотя есть, конечно, и другой — хлеборобский.

- Хорошо. Но всё лишнее отсюда уберите.

И скovyрнул с листа сизую рыбью чешую, ещё раз вслух удивившись её размером:

- Да, вы ловцы так ловцы! А молитву на достойный лист перепишите. А если запомнили, то, может, и не надо.

После пасхального внушения отца Евлампия, понимая, что он наверняка обратил внимание на обещание поделиться со святою церковью, Сом Сомыч притащил к Свято-Серафимовской церкви огромный чувал рыбы.

- Возьмите, батюшка, от нашей широкой рыбацкой души такое подношение. Мы и почистим, и выпотрошим, чтобы время у вас и ваших людей не отнимать.

Евлампий с хитринкой улыбнулся:

- Что, опять молитва помогла?

- Она, батюшка, она! Не помолились бы — и ни в жизнь такого улова бы не имели.

Священник одобрительно их поддержал:

- Хорошо, что хоть через это уважением к Творцу проникаетесь!

На следующее раннее утро Александр Александрович Волохов и сын его Леонтий, по наследству получивший прозвище Сомчик, уже были на Северском Донце. Молитва действовала, а что ещё рыбаку нужно было для счастья!

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

Примечание:
Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

